



*Игорь Васильевич Серебряков родился в 1967 году в Воронеже. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Работал корреспондентом областной газеты «Молодой коммунар». Публиковался в журналах «Подъём», «Петровский мост», в региональных изданиях. Живет в Воронеже.*

**Игорь Серебряков**

## **ВАРВАРА ЖАРИТ КУР**

*Рассказы*

**В** последнее время, особенно в минуты послеобеденных философических размышлений, все чаще приходит в голову мысль о том, что суть происходящих в мире событий можно описать следующей фразой: один сказал, второй не расслышал, третий не понял, четвертый переврал, а пятый в это самое время соленым огурцом закусывал и ему больше ни до чего дела не было. А если первый человек, тот, который слова произнес, пуще всех напастей — заморский подданный, а остальные слушатели и пересказчики не знают зарубежных языков, хотя в свое время нещадно обучались им во всевозможных учебных заведениях, события всей жизни могут приобрести самый неожиданный оборот.

Вот такая оказия случилась во времена Леонида Ильича в одном благословенном маленьком городке, навроде Звенигорода, Ельца или Китежа, что проросли боровиками сквозь осыпавшиеся темные хвойно-исторические иглы, но так и не стали ни губернскими, ни областными столицами. Правда, в отличие от других провинциальных рыжиков и маслят, существовали в этих городках педагогические, монтажные, мясо-молочные и прочие техникумы, а кое-где даже институты, посе-

ленные здесь, поближе к неиссякаемым источникам березового сока, видимо, для того, чтобы не растратить впустую разлитый в воздухе прекрасный нектар отеческой мудрости и напитать им умы юношества.

Тогда, незадолго до московской Олимпиады, в Советский Союз в первый и последний раз приезжал всамделишный импортный вокально-инструментальный ансамбль, «Бони М». Было в солнечно-ромово-шоколадных песнопениях ямайской нерабочей молодежи нечто родственное русской душе — такое натурально-непередаваемо-разухабистое, заставляющее слушателей подпрыгивать филеем на табуретке, совершенно искренне, пусть даже глубокой ночью, щедро делиться экстазом оглушающего восторга с соседями за стенкой, а также изо всех сил жать на газ во время езды на грузовике по дорожным ямам и кочкам, подвывая, как умеешь, магнитофону «Электроника»: «Сани, тпру-лю-лю, ай лав ю-у-у-у!»

Под эти песни весело отплясывали на всех сельских танцплощадках, не говоря уже о ресторанах и вечерах отдыха для тех, кому за пятьдесят. Да что там говорить, популярность этих мелодий в Союзе тогда была такова, что при покупке магнитофона «Бони М» переписывали на вторую кассету (на первой был, естественно, Высоцкий).

Про что они там поют никто, разумеется, не знал. Кое-кто из нас, лоботрясов, пытался с помощью школьного англо-русского словаря постичь сокровенный смысл, пробираясь сквозь тернии непонятных слов, скрежет лентопротяжного механизма и ровный шумовой фон затертой магнитофонной записи.

Небольшое отступление. Для того чтобы лучше понять характер этих звуков, настоятельно советую проделать следующее. Вначале скачать на смартфон композицию бониевской «Daddy Cool», затем отыскать сельский двор, в котором держат гусей, включить мелодию, а затем начать медленно приближаться к самому большому гусаку, произнося заклинание «Как по речке плыла тега, а за нею вслед — телега». Услышанная вами песня, шипение и гогот будут отдаленно напоминать то, что мы слышали году так в семьдесят седьмом.

Помнится, один мой знакомый, все выходные переводя «Полет на Венеру», потом совершенно искренне рассказывал, что речь в этой песне идет про то, как американцы, уверовав после Луны в свою непобедимость, собирались первыми достичь планеты Багровых туч, долго-долго летели, а привенерившись, обнаружили там красный флаг, после чего раздосадовано провозгласили: «Ох уж эти русские!». Единственно, чего он не мог понять, какое отношение к космическому полету имеет периодически упоминающийся в песне старец Григорий Распутин...

И еще одно воспоминание, уж извините за подробности: один сосед преклонного возраста, недоверчивый к интервентам еще с гражданской войны, постоянно сомневался по поводу содержания иностранных песен: мол, эти «битлозы», может, вас матом кроют, а вы, дураки, от радости пляшете. И в доказательство своих слов торжественно, будто произнося клятву, изрекал мудреную фразу на хитром тарабарском языке, но явно с неприличным содержанием, чем приводил нас в замешательство, иногда даже граничащее с размышлением...

Так вот, дорогих в прямом и переносном смысле идолиц западного шоу-бизнеса, с учетом ленинских заветов о конспирации, а также во избежание не свойственного советским людям массового умопомешательства, скромно представляли публике как фольклорный ансамбль аборигенов с карибских берегов. А билеты на концерт «Бони М» продавали

исключительно космонавтам, героям войны, ударникам первых пятилеток, олимпийским чемпионам, политкаторжанам, руководителям партийных и близких к ним торговых инстанций.

Один такой билет в качестве высокой награды был распределен в райком комсомола этого самого городка, где первым секретарем тогда работала Варвара Кулик, или Коза Петровна — по ласковому прозвищу, данному ей соратниками по борьбе за счастье молодежи.

Надо ли говорить, что фамилия ее склонялась всеми исключительно по мужскому варианту: идем к Кулику, послушаем Кулика. Некоторые даже позволяли себе вольность, заглянув в кабинет и убедившись, что Варвары Петровны здесь нет, фамильярно поинтересоваться, не залетал ли к ним Кулик.

А Козой Петровной ее прозвали то ли по контрасту с фамилией, то ли за удлиненное лицо, вечно печальные карие глаза, завитки волос возле ушей, а может, из-за постоянной присказки, которую она любила употреблять за закрытой дверью, устраивая разносы разным мелким инструкторам: «Руководить — это вам не козу доить!»

Варвара Петровна, несмотря на участие в регулярном хоровом исполнении знаменитого заклинания «не расстанусь с комсомолом — буду вечно молодым», вполне осознавала иллюзорность и пустоту таких деклараций. О грустной реальности ей напоминало не только зеркало по утрам, но и областное руководство, деликатно и не очень напоминавшее о давно скрывшихся за горизонтом годах прекрасной комсомольской юности и необходимости использовать жизненный опыт для штурма новых командных высот нашей слабо пересеченной местности.

И в самом деле, не до пенсии же сидеть в райкоме! Во-первых, молодым скучно со стариками и старухами, во-вторых, прямо на глазах подрастает новая достойная смена, искренне считающая, что все вокруг, весь мир, включая голубое небо, солнце, а также трибуны и столы, накрытые кумачом, созданы исключительно для них.

У Варвары Петровны была возможность, выражаясь языком отважных советских космонавтов, удачно отстыковать и мягкоместно приземлиться заданной точкой в освобождающемся кресло директора местного треста столовых и двух ресторанов. Помимо опыта работы вожаком, сделать это ей позволяло и подходящее образование — бухгалтерский факультет сельхозинститута.

На собеседовании в обкоме партии один высокий руководитель даже позволил себе по-отечески пошутить: уж ее не надо учить щи варить, и она-то сумеет наладить работу треста так, чтобы в столовой рис от гречки отличить было можно. Затем, посерьезнев, он дал важное наставление, основанное на народной мудрости: надела хомут, не кричи, что капут.

Но существовала одна закавыка, вырастающая на ее полете препятствием навреде Эльбруса: была Варвара Петровна не замужем, что в те суровые годы перекрывало любые лазейки на пути к заветной должности. Наверное, справедливо считалось, что доверить такое ответственное дело, как процесс кормления советских людей, можно только серьезной женщине, у которой, прежде всего, сыт муж.

Достойный кандидат на супружескую клетку (автор имеет в виду клетку в анкете!) был: комсомольский секретарь из педагогической альма-матер, которого за глаза звали Владиком-оладиком. Он ей нравился солидной комплекцией, очевидными карьерными перспективами и знанием работ основоположников.

Однако как осуществить свои творческие матримонильные планы Варвара Петровна не знала. Нельзя сказать, чтобы у нее полностью атрофировались способности к флирту, нет, умение строить глазки, кокетливо поправлять прическу, мечтательно смотреть на избранника и et cetera, как и у всех женщин, было врожденным, но перейти к разговору о романтических чувствах после, допустим, совещания на тему распределения комсомольских путевок на БАМ, это, извините, все равно, что маляра отвлечь от побелки потолка и заставить той же кистью нарисовать лаковую миниатюру.

Поэтому для того, чтобы щедрым подарком деликатно намекнуть Владуку-оладуку о своем к нему равнодушии, она, неожиданно смущаясь и даже почти краснея, вручила ему билет на «Бони М». В полете фантазий Варвара Петровна представляла, как тот замрет от неожиданности, задумается, пристально посмотрит на нее, все поймет, а потом слегка хрипловатым голосом скажет что-то вроде: «Ах, какая же ты, Варенька, близкая и ласковая...», после чего уговорит ее сегодня же вечером посетить одну из ее будущих сеньорий общепита или предложит сходить на последний сеанс фильма с говорящим названием «Служебный роман», а может, даже позовет послушать вместе пластинку Поля Мориа.

Однако Владик-оладик, вопреки ожиданиям, неожиданно смутился не меньше ее, опустил глаза, схватил билет, потом что-то забормотал, заблеял и неловко ретировался.

Надо сказать, что причина для смущения у Владика была. Ее звали Лиля, названная так в честь музы Маяковского. Три года назад она после окончания школы была выслана отцом и матушкой из родных южных приморских краев для продолжения образования. При выборе учебного заведения родители, похоже, руководствовались двумя критериями: во-первых, отправить Лилёку подальше от уже имеющихся кавалеров, и во-вторых, свести к минимуму количество кавалеров будущих, по каковой причине и был выбран городок позатрапезнее.

Надо сказать, что опасения родителей имели под собой веские основания: вскоре новая студентка своей нездешней, почти креольской внешностью ошарашила, свела с ума, взяла в плен и, похоже, готова была продать в рабство всех мужчин пединститута от абитуриентов до седовласых членов Ученого совета.

Уж если рассказал про прозвища других, почему бы не посплетничать о Лиле. Подружки прозвали ее «смолянкой». К известному институту благородных девиц и тем более к штабу революции она никакого отношения не имела, а причину первого прозвища лучше всего объясняло второе: «Лиля с гриля» — так звали ее завистливые бледные однокурсницы за нездешнюю смуглость лица.

Был в свите незадачливых ухажеров и Владик-оладик, но легкомысленная Лиля при его появлении демонстративно фыркала, несмотря на то, что он каждый день обливался дефицитным одеколоном «Арбат». Кроме того, она демонстрировала несознательность и никак не хотела тягиваться в культурно-массовую работу.

Однако мнение молодой красавицы о поклоннике кардинальным образом изменилось после того, как она узнала о существовании билета на концерт «Бони М». Из всей школьной программы Лиля лучше всего знала произведение «Ворона и лисица», по каковой причине стала действовать в соответствии с советами Эзопа Фригийского, Жана Чарльзовича Лафонтена и Ивана Андреевича Крылова: впервые сама отыскала Влади-

ка, заявила о желании взвалить на себя какое-нибудь тяжелое поручение, конечно, не участие в субботнике, а что-нибудь навроде совместной подготовки конкурса «А ну-ка, парни!» или даже «А ну-ка, девушки!». В последующие дни она также позволила Владу два раза прогулять ее по вечернему парку.

Баснописцы, как всегда, оказались правы: в итоге сыр, то есть заветный билет, оказался у Лили, и она стремглав помчалась в столицу, чтобы не опоздать на концерт.

При входе в концертный зал огромной гостиницы «Россия» суровый дядька скороговоркой, но весьма строго предупредил, что нельзя танцевать, кричать, подниматься с кресел, аплодировать тоже надо умеренно, то есть вежливо и не очень громко.

И вот концерт начался, самые известные, как тогда говорили, «мелодии и ритмы зарубежной эстрады» ворвались сразу во все мозги, спинные и головные. Оркестр играл красиво и громко, гулкие африканские там-тамы пробуждали древние инстинкты. Солистки, одетые в нечто, напоминающее русалочью чешую, извивались, будто собирались после концерта исчезнуть в бездонных бермудских омутах. Кудрявый солист Бобби Фаррелл то ли отмахивался от красных чертей (а какого же еще цвета могут быть черти в коммунистической Москве?), то ли прямо на сцене делал комплекс производственной гимнастики, а может даже весьма правдоподобно по канонам системы Станиславского изображал утопающего.

Самое неожиданное произошло в финале концерта. Когда раздалась зажигательная песня «Daddy Cool», Лилия, несмотря на запреты, от переполняющего ее восторга — внезапно даже для самой себя — вскочила, стала хлопать руками над головой и громко подпевать. Правда, о чем там у «бониемцев» шла речь она, естественно, не понимала, поэтому орала то, как ей слышалось:

— Варвара жарит кур!.. Жарит, жарит кур!

— Нельзя, нельзя танцевать! — зашипел сосед, судорожно доставая из внутреннего кармана повязку дружинника.

Но вслед за Лилькой поднялись другие люди, они тоже начали делать какие-то незамысловатые телодвижения, а самое главное — подпевать «Бони М» про кулинарные таланты Варвары.

Находящийся неподалеку зарубежный продюсер Фрэнк Фариан с улыбкой сказал приставленному переводчику из Госконцерта о том, что, оказывается, не всех русских заморозили в Сибири, среди них еще встречаются живые люди, а затем, прислушавшись, попросил перевести ему знакомые возгласы.

Переводчик, смутившись, начал подбирать слова:

— Это что-то про курицу... Курица — не птица... Нет-нет... Лучше курицы может быть только жареная курица... Как-то так.

Наивный Фариан вначале удивился, а потом решил, что это, наверное, какая-то непонятная русская поговорка.

После концерта ладные красивые милиционеры пригласили Лилию в администраторский кабинет, составили подробный протокол о хулиганстве, в том числе с упоминанием сомнительных призывов, а потом препроводили бумагу — да не куда-нибудь, а прямоком в ЦК ВЛКСМ, откуда она, обрастая грозными резолюциями, спустилась в райком к Варваре Петровне Кулик.

Призванный к ответу Владик-оладик вначале пробовал юлить, мол,

билет на концерт он потерял, потом объяснил, что его вообще украли, но в конце концов под давлением неопровержимых улик признался в содеянном безобразии.

Билет ему Коза Петровна, может быть, и простила бы, но насмешливую фразу из Москвы о том, что какая-то Варвара, скорее всего — она сама, жарит кур, стерпеть не смогла! Пребывая в гневливом состоянии, Кулик неожиданно, как будто участвовала не в официальном мероприятии, а в водевильном фарсе местного театра драмы и комедии, сообщила Владуку, что смыть нанесенные им обиды, а его самого спасти от неминуемого позора и банкротства может только выгодный брак, после чего открыто предьявила ему ультиматум, который он вначале хотел горделиво отвергнуть как гнусный шантаж, а потом, пряча глаза, согласился.

Персональное дело комсомолки Лили разбирали на собрании. Завистницы припомнили все, включая хвосты по зарубежной литературе, тянущиеся со времен Овидия и Гая Валерия Катулла. Вдобавок выяснилось: у нее даже нет читательского билета в студенческую библиотеку.

Правда, собравшиеся так и не поняли фразу из протокола о том, что Лилька кричала солистам буржуазного ансамбля о каких-то жареных курах. Некоторые попытались разглядеть в этом политическую близорукость и клевету на недостаточное снабжение глубинки продуктами питания. Владик-оладик всеми силами старался спасти тонущую подругу, предполагая, что, может быть, ее неправильно расслышали, ведь на самом деле она наверняка хотела спеть песню «Единственный друг — дорогой комсомол...».

Однако в итоге Лилькино поведение все-таки сочли недостойным советской студентки. Потом, правда, сжалились, из комсомола выгнать не стали. К тому же деканат быстренько спровадил ее по сомнительной справке из женской консультации в академический отпуск, из которого она в институт не вернулась: вначале потому что и в самом деле ждала ребенка, выскочив замуж за молодого то ли бригадира, то ли за прораба, которому надо было варить борщи и иногда — самогон, потом появились планы на второго крикуна... Тут уж ей не до образования стало: мы педагоги учили не по Гегелю. Кажется, что-то похожее говорил Маяковский своей музе.

Кстати, о Гегеле. Варвара Петровна утешилась в законном браке и обрела вождеденную должность сюзерена местного общепита. Ее избранник Владик-оладик ушел в аспирантуру и притих, впрочем, как выяснилось, не навсегда. Спустя несколько лет, когда ветры перемен начали гулять по одной шестой части суши, каким-то случайным сквозняком ему, очевидно, продуло голову.

Однажды, вытащив пробку из ванной и философски вытираясь индийским махровым полотенцем, он ни с того ни с сего обратил внимание на воронку воды, с журчанием утекающую в недра канализации. Из школьной программы физики Владик помнил только правило буравчика. И тут что-то в голове у него щелкнуло, контакты заискрились — и родилось удивительное открытие: мир устроен так, что многое в нем движется слева направо по спирали вниз. Например, нормальные люди пишут слева направо, завершая письма в конце листа. Так же крутится винт падающего самолета, естественно, до столкновения с землей. Стрелки на часах тоже движутся не абы как, а в соответствии с мудростью ма-тушки-природы.

Варвара Петровна вначале пыталась вразумить малохольного супру-

га, потом, желая поработать его ванным захирением, за ящик чешского пива договорилась в редакции местной газеты напечатать статейку о сделанном открытии. Заметка действительно вышла, причем на последней полосе в рубрике «Достижения науки — в жизнь!», где обычно рассказывалось о разных бытовых хитростях навроде использования канцелярской скрепки вместо отломившегося язычка молнии или изготовления помпона для детской шапки из старого шерстяного клубка.

Однако вместо ожидаемого успокоения публикация произвела противоположный эффект: возбужденный Владик стал бегать по комнате, потрясая в воздухе газетным листом, после чего сел писать письма во все академии и институты, требуя признать свое открытие четвертым законом диалектики.

Марксистские философы, а другие тогда не сильно урождались, вначале удивились, потом бросились судорожно рыться в произведениях Гегеля, Канта и Фейербаха и, не найдя в них ничего похожего, стали откровенно издеваться над ним, именуя не иначе как любомудром из глухомани. Более того, вынудили его, в конце концов, под страхом отлучения от науки признаться в своей еретической выдумке. Впрочем, как и великий Галилей, Владик иногда позволял себе вольнодумствовать, правда при этом переходил на шепот и оглядывался по сторонам.

Если говорить совсем уж откровенно, единственным покорным слушателем его сентенций оставалась супруга, но и ее нервическая терпелюшка однажды не выдержала. Случилось это в то время, когда Владик поднялся до невероятных эвристических высот, договорившись до того, что весь мир движется по открытому ему закону: и автомобили по кольцу, и ворон из песни, кружившийся над буйной головой атмана, и вообще вся жизнь проходит именно так: слева направо по спирали вниз, в землю. «И так весь мир вертится!» — словами Шекспира завершил он свою речь, по форме и содержанию похожую на нобелевскую.

Однако Варвара Петровна при всей ее разумности не оценила историчности момента; напротив — резонно, как ей показалось, заметила, что в Англии и Японии, так показывали в передаче «Международная панорама», автомобили движутся как раз наоборот — справа налево, поскольку у них левостороннее движение.

Владик разглядел в этом высказывании атаку оппонента и в ответ с горячностью Дон Кихота, бросившегося в схватку с тогдашними элеваторами, язвительно заявил, что негоже секретарю комсомола, хоть и бывшему, апеллировать к буржуазным примерам, и вообще — жена должна быть довольна, что с ней разговаривают о таких высоких материях, в которых она ни ухом, ни нюхом, а ее мнение кого-либо может заинтересовать только ежели вдруг понадобится что-либо узнать о кастрюлях и сковородках.

Вот тут Варвара рассердилась не на шутку, припомнила ему и Лилю, и «Бони М», и Варвару, которая жарит кур, после чего в сердцах выгнала его вон.

Супруг ушел гордо и, как неожиданно показалось Варваре, с видимым облегчением. Она вначале собиралась его остановить, но затем, поскольку тоже была гордою, передумала, впрочем, об этом потом жалела. Далее следы Владика потерялись, кто-то видел его имя в журнале столичного исследовательского института редкого восточного социализма, другие говорили, что он, сделав все открытия на Земле, занялся проблемами

внеземных цивилизаций, а третьи прочли ему славу бродячего философа — одного из тех, что ходят по нашей бескрайней Родине.

Варвара Петровна удачно пережила развал страны и треста, прихватив в качестве компенсации за нанесенные жизнью психотравмы центральной городской ресторан. Кстати, история этого заведения весьма любопытна. До революции он носил название «Дю норд», потом в одночасье стал распределителем котлового довольствия среди революционных масс, затем превратился в столовую «Красный пищик». В годы волонтаризма его лгливо переименовали в ресторан «Золотой початок» при Доме колхозника, затем на долгое время он стал рестораном «Славянская былина», в которой в годы перестройки жующих и пляшущих гостей развлекал местный ансамбль «Красный Бонизм» (именно так — красный и одним словом).

Впрочем, как оказалось, история вывесок заведения на этом не прекратилась, поскольку Кулик продала ресторан гриль-бару «Санта-Барбара», который молодежь прозвала «барбариской». Старожилы из бывших, которые, несмотря на все изменения в обществе, по выходным играли в шахматы в скверике за Домом культуры, расставляя фигуры на доске, тогда многозначительно говорили: «Вы мне не верили, но Варвара все-таки жарит кур».

Затем наступил век интернета, и один знающий сайт поведал мне, что в композиции «Daddy Cool» нет никакой Варвары и тем более кур. И вообще в этой незамысловатой песенке всего две фразы: «Этот папочка такой клевый! Да, он очень клевый чувак...».

Ну да, ну да... Мне кажется, это тот самый случай, когда русский перевод гораздо интереснее и осмысленней оригинала.

И напоследок хотел поведать вам о школе жизни, в которой мы все учимся, дай Бог подольше не побывать на празднике Последнего звонка. Есть в этом учебном заведении масса полезных предметов. Например, математика учит легко вычитать деньги из жалованья. Русский язык с литературой помогают ставить галочку в избирательном бюллетене, а также грамотно составлять заявления управдому. Природоведение позволяет вовремя определить приход весны за окном. И есть среди этих уроков иностранный язык, который большинство из нас выучить практически невозможно, но, как доказывает рассказанная история, двойка в дневнике по этому предмету не освобождает от обязанности исполнять предначертания судьбы.

## СЛУЧАЙ НА ПОСТУ НОМЕР СЕМЬ

Начальник караула Широких надел офицерские погоны недавно, следовательно, был человеком, в котором искреннее увлечение службой смешивается с наивностью и упрямством. Также следует учесть, что лейтенант являлся выпускником Свердловского высшего военно-политического танко-артиллерийского училища. Скорее всего, этот эклектичный винегрет из пушек, танков и политики, сдобренный тем обстоятельством, что почтенное учебное заведение носило имя Леонида Ильича Брежнева, породил у Широких искреннюю уверенность в своем полководческом предназначении.

— Бодрствующий — от слова бодрый! — провозгласил он отдыхающей смене караула и приказал немедленно отразить атаку врага, для чего зачем-то потребовалось полчаса таскать туда-сюда тяжеленные ящики с боеприпасами.



Затем лейтенант потребовал каждого караульного продекламировать наизусть двухнедельной давности указание из дивизии о повышенной бдительности на постах и особых приметах сбежавшего рецидивиста, про которого от местных жителей бойцы сведений почерпнули намного больше, чем излагалось в казенной бумаге. Взять хотя бы то, что беглец носил кличку «Плоскорез» за природную склонность к садизму.

И наконец Широких устроил вещь вовсе необычайную в карауле — читку вслух брошюры генсека-новобранца про перестройку и нетрадиционное мышление. Впрочем, как оказалось, по усыпляющему воздействию книжечки ничем не отличалась от Уставов Вооруженных сил СССР...

Автоматный выстрел в ночной тишине был резким, вроде церемониала отдания чести на параде, тревожным, словно телефонный звонок из штаба округа, и неожиданным, точно прилетевший храпящему «сынку» дембельский сапог. И как все эти малоприятные события, звук не сулил ничего хорошего.

Сам задремавший под бубнение солдатика, лейтенант вздрогнул и напряженно поинтересовался:

— Где?

Стреляли на дальнем седьмом посту. Там находились склады на случай международных кризисов, когда простой дедюхинский полк, этот мальчик-с-пальчик в легионе советских частей и соединений, по подписаниям волшебного циркуляра Генштаба должен был вырасти в Голиафа — грозную дивизию по штатам военного времени.

И вот для этой оравы пока еще ничего не ведающих мужиков уже были заготовлены не только танки и пушки, но и сапоги, шинели, даже исподнее. Именно это добро в настоящий временной отрезок охранял по классификации НАТО — «бычок», по неуставной иерархии — «черпак», а проще говоря — отслуживший год ефрейтор Мананников, носивший прозвище «Мана-Мана», данное ему в честь популярного телевизионного номера одесской художественной самодеятельности.

Вот уже год Мананников по несколько раз в неделю принимал участие в незамысловатом и наиболеебиднейшем представлении, устраиваемом в многочисленные часы безделья ротных «дедушек». По их кличу «Мана-Мана!» в любое время суток он должен был подпрыгнуть, начать извиваться, отбивая при этом чечетку, и отвечать: «Тыц-тыра-тыра-ра!». По сроку службы ефрейтору пора было уже прекращать паясничать, но старые хрычи привыкли к концертам, а расстраивать их не хотелось, поскольку именно они являлись реальной одновременно и законодательной, и исполнительной, и даже судебной властью в роте.

Лейтенант почему-то не стал, как было положено, командовать «Караул — в ружье!» — может потому, что ружья бывают только у охотников, а у нормальных военных — автоматы, не знаю; он просто оставил уже подготовленную им к обороне караулку на старшего сержанта Волобуева, а сам, прихватив трех бойцов из старой смены, побежал на седьмой пост.

Выпавший позавчера снег был уже прикатан «Уралами». Мороз даже не пощипывал, а драл уши, словно великовозрастный школьник мальчикам в день рождения. Трусивший рядом с Широких разводящий «ветеран» младший сержант Абдушилошвили нисколько не утешал:

— Вот Мана-Мана что учудил... Воронежские — они все такие: смиренные-смирные, а потом что-нибудь как вытворят! Сейчас, небось, весь пятый пост в кровянице... И чего ему не жилось?!

— Погоди, может, он в преступника стрелял! — отвечал ему на бегу Широких.

— То ли он в Плоскореза, то ли Плоскорез в него... — кровожадность Абдушилошвили мог бы позавидовать даже Бармалей.

Широких успокаивало только то, что Мананников отслужил год, а значит, «самострела» быть не должно, чай, не юнец, ошалевший от казарменного «пресс-папье», плавно переходящего в «папье-маше», и теперь видевший жизненный просвет только на погонах у офицеров. Да и солдат, можно сказать, уже опытный, в случае нападения должен был дать отпор врагу...

Мана-Мана, слава Богу, был живой, а не лежал с простреленной черепушкой. Небольшого роста, в огромном, до пят, тулупе, если бы не автомат и румянец щек, контрастировавший с серыми ушами шапки, завязанными на подбородке, он мог бы сойти за забытый в поле кочан капусты, выросший за это время до гигантских размеров.

Знакомых гостей часовой встречал по уставу, прокричав без пауз «Стой, назад!», «Стой, обойти влево!», «Стой, стрелять буду!», и даже ни с того ни с сего затребовал какой-то пароль.

— Эй ты, «установник», — осадил его Широких. — Чего стрелял?

— Вон там, у «колючки», кто-то был! — с готовностью доложил ефрейтор.

Лейтенант с младшим сержантом пошли поглядеть на безжизненное тело, но ничего не увидели, кроме протоптанной караульной тропинки и следов собачьей жизнедеятельности.

— Все-таки чего шмалял? Заснул, что ли?

— Точно кто-то был! — клялся Мананников.

— Ты бы очередь полоснул, глядишь, попал бы! — хмыкнул Абдушилошвили, донельзя разочарованный отсутствием «кровищци», а затем стал донимать Широких необходимостью выпороть ефрейтора за срыв изучения произведения Генерального секретаря ЦК КПСС.

Старший лейтенант на всякий случай сменил Мананникова и по дороге в караулку раздумывал, докладывать или нет дежурному по части о происшествии. Но потом все устроилось само собой: в караулку позвонил сонный и злой командир полка, которому кто-то уже успел «настучать» о пальбе. Широких быстро и толково рассказал о случившемся, при этом представил в выгодном свете свои грамотность, решительность и хладнокровие.

Командир отложил разбирательство на свежую голову. А утром выяснилось, что неподалеку, в военном городке, милицией был схвачен Плоскорез и даже дал показания, что действительно собирался завалить какого-нибудь часового. Мананникову тут же за бдительность в пример всем объявили отпуск, сняли с караула, и уже вечером он уже трясся в общем вагоне проходящего пассажирского поезда «Березники-Воронеж».

По возвращении из отпуска ефрейтор неожиданно был вызван в штаб полка к замполиту майору Евстратову.

Собираясь на свидание, Мананников начистил сапоги, застегнул мундир на верхний крючок и совершил обмен с «молодым», забрав у него «деревянный» ремень с начищенной бляхой и отдав на время свой, кожаный с подпиленной звездочкой, долженствующей демонстрировать усердие владельца, от которого стирается даже металл. Перед выходом посмотрел в зеркало и довольно хмыкнул: даже прическа была уставной, при этом имела одну хитрую особенность, которой не было у самого крутого дембеля, ведь стригся ефрейтор в отпуске в гражданской парикмахерской,

а не как они — у полкового тупейного художника молдаванина Руляну из оркестровой команды.

Замполит майор Евстратов, казалось, был обрадован явлением такого картинного бойца-молодца. Он, широко улыбаясь, вышел из-за стола, пожал руку, предложил присесть, по-отечески поинтересовался здоровьем родителей. Затем посерьезнел и сказал:

— Есть мнение о статье, товарищ ефрейтор.

Услышав про статью, Мананников занервничал и стал протестовать, но услышав, что речь идет про статью в журнал «Советский воин», успокоился.

— Вот думаем материал про тебя в редакцию направить, с фотографией. А ты, когда он выйдет, пошлешь его в свой Воронеж — родителям, любимой девушке...

Против посылки журнала ефрейтор ничего не имел, тем более что во время отпуска он красочно расписывал Любочке свои боевые подвиги, если быть точным — о том, как он в одиночку спас секретную ракетную базу от шайки натовских диверсантов, за что был поощрен отпуском лично министром обороны СССР маршалом Соколовым.

— Да ты не скромничай! — продолжал уговаривать Евстратов. — Такой, можно сказать, подвиг совершил! Может, у тебя какие-нибудь просьбы есть?

И тут ефрейтор завел песню о значке «Отличник Советской армии», который манил его как сороку-клептоманку брошка чешского стекла за окном.

Замполит удостоверился, что значок на ефрейторской груди действительно отсутствует, и гневно поинтересовался, какой вредитель не дает такой мелочи герою, достойному правительственной награды.

— Лейтенант Широких говорит, что я не знаю столиц всех государств блока НАТО, — почти со слезой пожаловался Мананников.

— Неужели ты и в самом деле их не знаешь? — искренне удивился Евстратов. — Не может такого быть!

— Почему не знаю?! Лондон, Рим, этот, как его... Брюссель...

— А Копенгаген?

— Копенгаген? — Манаенков нечаянно объединил в одном слове два европейских города, задумался, на всякий случай уклонился от ответа и продолжил перечисление, при этом заранее присоединил к Североатлантическому альянсу три столицы стран социалистического содружества — Варшаву, Бухарест и Прагу...

Догадавшись по длительному тягостному молчанию Евстратова, что экзамен он не прошел, Мананников неожиданно даже для себя насупился и перешел в контратаку:

— А зачем мне про Копенгаген знать? — глядя исподлобья, спросил он.

Евстратов сделал вид, что не заметил ефрейторского афронта, и по-отечески стал увещевать:

— Да как же, Мананников?! Вдруг мы завтра будем с блоком НАТО воевать, даст тебе Родина приказ флаг водрузить над вражеской столицей, а ты даже не знаешь, в какую сторону идти ...

— Командир скажет, куда на танке ехать, — буркнул ефрейтор, незаметно повторив известную сентенцию фонвизинской госпожи Простаковой про географию и извозчика.

— Ладно, хватит про танки, ты мне лучше про свой подвиг поподробнее расскажи.

— Зачем это? — Мананников почувствовал какой-то подвох, а потому насторожился.

— Для статьи в журнал... — усмехнулся замполит. — Чего молчишь? Помнишь, чему тебя в школе учили? Из пункта А в пункт Б выехал курьерский поезд, а из пункта Б в пункт А... Ну, давай, подсказывай!

— А из пункта Бе в пункт А... — послушно дал полный ответ Мананников, — пешеход.

— Какой пешеход?! Другой курьерский поезд! Поезда же всегда навстречу друг другу должны ехать! Или ты в своем Воронеже паровоза не видел? Давай, рассказывай!

— Почему это не видел? Видел. Я, например, в отпуск на поезде ехал. Чего про него рассказывать: полки поднимаются, люди сидят, а некоторые всю дорогу лежат, пятки чешут...

— Про какой поезд?! Про какие пятки?! Про караул свой знаменитый рассказывай!

— Чего рассказывать... Я стою... Он идет...

— погоди... Где стоишь? Только честно...

— На вышке... Смотрю — кто-то у «колючки» топчется, вроде как перелезть собирается. Ну и я в него и стрельнул.

— Собирается перелезть? Странно, почему тогда следов у заграждения не было?

— Не знаю, может, этот бандюган прыгал. Если он из «зоны» сбежал, может, он там тоже через колючую проволоку перескакивал...

— Никто там никуда не перескакивал, не придумывай! — Евстратов вперил взгляд в сжавшегося Мананникова. — Так почему там только звериные следы были?

— Может, там собака пробегала или волк из леса.

— И что, ты волка от человека не отличишь?

— Туман был... Или снег, не помню... Темно...

— Какой туман? Ты утюг-то в сторонку отложи! — стальной сердечник в голосе замполита мог пробить любую броню.

— Какой утюг? — попробовал увильнуть ефрейтор.

— Которым ты мне тут мозговые извилины разглаживаешь... погоди, тебе этот утюг самому пригодится — из сапожных голенищ дембельскую гармошку делать. Хотя может и не пригодиться, потому как дембель твой сейчас откладывается на неопределенный срок...

— Не знаю ничего! — ушел в глухую оборону Манников.

— Вот вы, воронежцы, ребята хорошие, простые, только почему-то уверены, что можете советского политработника обжучить.

— Не знаю ничего! — продолжал стоять на своем ефрейтор.

— Ладно... Тогда ты мне вот что скажи, что ты должен был по уставу делать?

— Всех лиц, приближающихся к посту, кроме начальника караула и разводящего, часовой останавливает окриком «Стой, назад!», — стал послушно долдонить Маннанников.

— И ты кричал?

— Кричал. А он там у «колючки» ворочается...

— Что дальше?

— Часовой досылает патрон в патронник и производит предупредительный выстрел... Потом применяет оружие, а при необходимости вступает в рукопашную схватку, смело действуя штыком и прикладом...

— Хватит, — остановил его Евстратов. — И где твой предупредительный выстрел?

— Так это... Я вот в него стрельнул, это и было предупредительным.

— Не финти! Ты сказал, что сразу в нарушителя стрелял. Слушай, Мананников, ты у меня не отличником, ты у меня двоечником будешь. Первым в Советской армии второгодником! Честное слово... Давай правду рассказывай. Обещаю, что ничего тебе за это не будет... Слово офицера...

— Честно? Ну ладно..., — ефрейтор вздохнул. — Там заяц пробежал, ну я и решил его завалить,

— И что?

— Промазал.

— Мананников, дался тебе этот заяц?! Что бы ты с ним делал?

— Что-что... Ошкурил бы да зажарил...

— Да ты — хищник, Мананников! Ты — браконьер!

— На «гражданке» разное бывало... — согласился ефрейтор.

— Зачем тебе заяц? Тебе что, жареной картошки по вечерам не хватает?

— Так ее только «деды» хавают, а мне не достается ничего.

По ухмыляющемуся лицу замполита ефрейтор понял, что нечаянно проговорился и только что «сдал» ротных ветеранов.

Замполит же начал возмущаться:

— Это что же, теперь все начнут по зайцам стрелять, а потом отпуск требовать?!

— Не бойтесь, товарищ майор, я никому не расскажу, — пообещал Мананников, но самоуверенно решил, что майору можно напомнить про значок. — Вы же сами говорили, что поезда всегда навстречу друг другу должны ехать! — увещевал он, не замечая, как багровеет лицо шантажируемого собеседника.

— Стреляешь ты плохо, в зайца промазал, столиц врагов и союзников не различаешь, — стал перечислять замполит, помолчал, подумал, встал, подошел к шкафу, достал из него фуражку, надел, посмотрел на себя в зеркало, еще раз подумал.

Затем повернулся к Мананникову, приложил ладонь к фуражке, отдавая честь, и громким командирским голосом приказал:

— Товарищ ефрейтор, встать! Смирно! Строевым шагом — марш!

— Куда? — осмелился спросить Мананников, вытянувшийся, словно готовая к старту ракета самой малой дальности, и тут же получил торжественный, раскатистый, четко артикулированный ответ...

Впереди у Мананникова — целый год службы, который вместит в себя все: победы и разгромы, взлеты и залеты... Ефрейтор посетит гауптвахту и познакомится на КПП с Эдитой Пьехой, заехавшей навестить двоюродного племянника. Он еще несколько сотен раз услышит из включенной радиоточки Гимн Советского Союза, как известно, раздающийся ровно в 6 утра, аккуратно перед командой «Рота, подъем!», и однажды — неожиданное пение жаворонка в небе над стрельбищем. Наконец, он станет обладателем не только заветного отличного значка, но и Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных сил СССР: озорные сослуживцы ухитрятся спрятать эту правоучительную книжку на самое дно его дембельского чемодана.

Одного только не будет в этот год, да и вообще больше никогда в жизни — таких томительно-быстрых и радостно-печальных дней, потому что отпуск солдату за время службы дается один раз.